

ИРАНСКИЙ ЯДЕРНЫЙ КРИЗИС

*Тутмос Третий**

27 июня 2006 г.

Развитие ситуации вокруг иранской ядерной программы в последнее время стало фактически главной международной новостью. Ведущие мировые державы обсуждают эту проблему на всех уровнях как в двустороннем формате, так и на различных международных форумах. При этом мнения относительно степени опасности, исходящей от ядерных разработок Тегерана, различаются порой весьма сильно.

Начало нынешнего кризиса относится к осени 2002 года, когда американцы, пользуясь информацией, полученной от запрещённых иранских антиправительственных группировок, а также данными собственной разведки, начали обвинять Иран в развитии скрытой военной ядерной программы. По требованию США Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ) начало проводить в Иране углублённые инспекции, которые, действительно, выявили большой ряд серьёзных нарушений этой страной обязательств, которые Иран обязан выполнять в качестве участника Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО).

Выяснилось, что Иран в течение 18 лет приобретал чувствительные материалы и технологии по каналам чёрного рынка, не ставя МАГАТЭ в известность. Оказалось, что Иран строил завод по обогащению урана в Натанзе (164 центрифуги с планами дальнейшего увеличения их числа до 1000), не поставив МАГАТЭ в известность. Более того, Иран даже проводил незаявленные опыты по центрифужному обогащению урана до 1.2%. Не было сообщено в МАГАТЭ о закупке гексафторида урана в 1991 году, о попытках приобрести в 2000-01 годах технологии лазерного обогащения урана.

Начали выясняться и другие крайне серьёзные нарушения. Так, иранцы ничего не сообщили в Агентство о приобретении металлического урана в 1993 году. Оказалось, что Иран занимался производством тетрафторида урана, двуокиси урана и других урановых соединений, а также производством урановых мишеней, в ранее незаявленных лабораториях. Он также не задекларировал ряд вспомогательных объектов ядерной инфраструктуры.

* Автор статьи пожелал остаться неизвестным – прим. ред.

Однако и после начала расследования Тегеран, как правило, выдавал информацию под нажимом и «неполными порциями». Постоянно возникали проблемы с допуском инспекторов МАГАТЭ на многие объекты. Иран, в ходе предоставления в Агентство требуемой информации, зачастую сообщал неверные сведения и затем неоднократно оказывался вынужден корректировать их или вообще приводить противоположную информацию. Например, в противоположность прежним заявлениям иранцы сообщили, что почти все материалы, необходимые для конверсии урана, были произведены самостоятельно в иранских лабораториях. Иранцы признали, что осуществляли выделение микроколичеств плутония путём облучения урановых мишеней, о чём ранее не сообщали. Кроме того – разъяснили, что металлический уран был им нужен не только для защиты от излучения (как они утверждали прежде), но и для опытов по лазерному обогащению.

Заявления иранских официальных лиц в период начала «расследования» показывают, что у иранцев не было даже чёткой концепции пропагандистского прикрытия своих разработок. Так, в отношении постройки завода по производству тяжёлой воды было заявлено, что она нужна для обеспечения в будущем реакторов типа КАНДУ, которые Тегеран намеревался, якобы, соорудить (это реактор канадского образца, в котором используется тяжёлая вода). В ответ на это канадская сторона немедленно выразила недоумение – никаких договорённостей о поставке Ирану этих реакторов не было.

Когда выяснилось, что Иран проводил эксперименты с одним из изотопов полония (^{210}Po), то мотивировал это необходимостью производить особого вида электрические батареи. Действительно, этот изотоп может применяться в батареях, но в силу ряда технических причин такие батареи используются только на космических аппаратах, которых у Ирана нет и вряд ли скоро появятся. Зато ^{210}Po может успешно служить источником нейтронов при подрыве ядерного заряда, особенно в сочетании с бериллием. Инспекторы МАГАТЭ впоследствии, в 2004 году, установили, что эксперименты по получению этого изотопа, по странному совпадению, проводились одновременно с выделением плутония. В целом, все незадекларированные элементы ядерной программы Ирана имели отношение либо к наработке урана и/или плутония, т.е. оружейных материалов, либо других материалов, которые могут использоваться в ядерном оружии.

Когда данные факты стали известны МАГАТЭ, иранская ядерная программа стала предметом обсуждения на всех заседаниях Совета управляющих Агентства начиная с 2003 года. Принятые на них резолюции Совета содержали призыв к Ирану скорее предоставить в МАГАТЭ ответы на ключевые вопросы, прояснение которых позволило бы получить полную картину иранской ядерной деятельности в прошлом. Всё это сопровождалось нагнетанием политической напряжённости со стороны США, неустанно

твердивших о несомненной военной направленности иранской программы. Иран, в свою очередь, активно пропагандировал свою миролюбивость.

Заинтересованные государства, понимая, что проблему нужно так или иначе решать, начали предпринимать дипломатические усилия по её урегулированию. Крупнейшие европейские страны – Великобритания, Германия и Франция (т.н. «евротройка по Ирану») – наиболее заинтересованные в стабильности иранского рынка, провели с иранцами серию встреч по выработке приемлемых решений.

Осенью 2004 года проблема, казалось, была близка к разрешению. В ноябре, по результатам парижской встречи с иранской делегацией, европейцам удалось достичь договорённости, которую многие обозреватели называли тогда прорывной. Продолжение в Иране работ, связанных с обогащением урана, вызывало особую озабоченность, поэтому европейцы предложили Ирану заморозить все такие работы. Взамен «тройка» обещала начать с Ираном переговоры по выработке набора мер по выводу Ирана из политической и экономической изоляции, по вовлечению его в субстантивный диалог по региональной безопасности.

Следуя Парижскому соглашению, Иран приостановил свою обогащательную активность. Это в тот момент фактически спасло Тегеран от передачи его досье в СБ ООН, т.к. проблема уже осенью 2004 года дошла до этой критической отметки из-за игнорирования Ираном призывов МАГАТЭ. Переговоры по уточнению параметров «пакета сотрудничества» - набора позитивных стимулов, который заставил бы Тегеран отказаться от работ по обогащению урана - проходили до мая 2005 года, но постепенно сошли на нет из-за откровенного нежелания Ирана продолжать диалог по вопросу о сохранении замораживания работ по обогащению.

Сохранение обогащательных мощностей, хотя бы и в самом малом масштабе, иранцы выставляли в качестве основного своего требования на протяжении всего срока переговоров о замораживании. Тегеран постоянно ссылался на своё неотъемлемое право на такие работы, которое он имеет согласно ДНЯО. Действительно, проводить обогащение урана в мирных целях не запрещено. Но иранцы при этом не реагировали на слова о том, что права неотделимы от обязанностей и что полное право на обогащение урана Иран получит тогда, когда не останется сомнений в направленности его разработок. Призывы к замораживанию, раздававшиеся и со стороны европейцев, и со стороны России, не имели целью навсегда лишить Тегеран его законных прав (в чём иранцы обвиняли тех, кто требовал от него моратория на обогащение). Главная цель в данном случае была лишь создать атмосферу доверия, необходимую для продолжения инспекций в спокойной обстановке.

Так или иначе, но Иран, после целого ряда громких (и часто далеко не корректных) заявлений прервал мораторий и летом 2005 года возобновил некоторые работы.

Российская позиция всегда отличалась мягкостью по отношению к Ирану. Москва постоянно делала всё возможное, чтобы максимально снизить давление на Иран, оказываемое США и другими западными странами, что давало повод обвинять нас в попытках «спасать» Тегеран. Не будет преувеличением сказать, что если бы не российские усилия, то иранское «досье» попало бы на обсуждение СБ ООН уже полтора-два года назад.

В августе 2005 года после победы на выборах в Иране консервативных сил во главе с М.Ахмадинежадом обстановка начала быстро накаляться. Представленный европейцами 5 августа «пакет сотрудничества» был Ираном отвергнут, причём это сопровождалось оскорбительной риторикой в адрес «евротройки». Переговоры, таким образом, потерпели фиаско. Все призывы России к их продолжению, разумеется, были оставлены без внимания всеми сторонами. Иран, по-видимому, как раз в тот момент и принял окончательное решение идти по конфронтационному сценарию, а европейцы не желали возобновлять разговор после иранских жёстких высказываний. Попытки западных стран перевести вопрос в сферу деятельности Совета Безопасности ООН, однако, снова натолкнулись на жёсткое противодействие России, несмотря на откровенно агрессивную риторику Ирана и демонстративное полное игнорирование им требований СУ МАГАТЭ. Благодаря активной дипломатической работе Россия смогла препятствовать передаче иранского вопроса в СБ ООН и в ноябре 2005 года, и в феврале этого года.

Развитие Ираном потенциала центрифужного обогащения урана вызывает особое беспокойство в мире. Первоначальный каскад в Натанзе насчитывает 164 центрифуги. Несмотря на технические проблемы, по-видимому этот каскад удалось успешно запустить и 11 апреля 2006 года М.Ахмадинежад заявил о его вводе в строй. Инспекторы МАГАТЭ подтвердили иранские заявления о получении урана с обогащением 3,5%. Многим обозревателям показалась удивительной та быстрота, с которой иранцы ввели в строй каскад и провели первые работы по обогащению. Теперь у иранцев планы идут ещё дальше – к концу текущего года иметь уже 3 000 центрифуг.

Иранцы, в общем, правы, когда говорят, что МАГАТЭ не нашло свидетельств переключения мирной ядерной деятельности на военные цели. Но до сих пор Агентство, после более, чем трёх лет расследования, не может чётко констатировать и обратного - что в Иране нет скрытой ядерной деятельности. Обладание Ираном несколькими тысячами центрифуг будет означать, что он получит возможность производить уран с оружейной степенью обогащения, что превратит Иран в «пороговую» страну, т.е. государство, способное при принятии соответствующего политического решения, быстро получить ядерное оружие в количестве, достаточном для создания стратегических сил. Для превращения в де-факто ядерную державу Пакистану в

своё время оказалось достаточно 5 тысяч центрифуг¹. Учитывая сложности, которые Иран испытывает с постройкой и вводом в строй центрифужного оборудования, он едва ли сможет быстро обрести такой потенциал (разве что за несколько лет) но и без этого ситуация уже сейчас обострилась до опасного предела.

Более того, существуют обоснованные опасения, что 164 центрифуги в Натанзе – не единственный действующий каскад в Иране. Необычно быстрый темп, с которым иранцы ввели в действие Натанз, при отсутствии опыта работы с центрифугами, по мнению некоторых исследователей, может говорить о том, что соответствующая технология была уже где-то должным образом отработана.

Стремление Ирана форсированными темпами получить мощности по обогащению урана, объясняя это необходимостью получать топливо для своих АЭС выглядит более чем странно. Во-первых, атомных электростанций у Ирана нет, а единственный энергетический реактор в Бушере будет обеспечиваться топливом из России. Создание обогатительных производств для нужд атомной энергетики, по оценкам специалистов, в иранских условиях абсолютно нерентабельно и может иметь смысл при наличии как минимум 10 работающих реакторов. Да и запасов урана в Иране хватит лишь на несколько лет добычи, после чего иранские урановые месторождения будут попросту истощены. Поэтому экономическими доводами объяснить такую срочную необходимость в создании каскадов центрифуг невозможно. Если иранцы не склонны задумываться об экономической рентабельности столь дорогостоящих разработок, да ещё при том, что урана заведомо не хватит для обеспечения нескольких реакторов, то слова Тегерана о своих исключительно мирных намерениях в ядерной области становятся сомнительными.

Да и исторический опыт показывает, что все государства, создававшие обогатительные мощности, делали это в первую очередь в военных целях. Советский Союз, например, стремился прежде всего получить сначала оружейный уран и уже впоследствии переключил военную урановую программу на мирные цели для производства ядерного топлива. Так было в Бразилии, которая до начала 90-х годов осуществляла практически неприкрытую военную ядерную программу и построила в военных целях обогатительный завод, так было в ЮАР и Пакистане. А Япония, при наличии нескольких десятков действующих реакторов, так и не стала создавать полный ядерный топливный цикл, прежде всего из-за его непомерной дороговизны

¹ Пакистанцы довели число своих действующих центрифуг до 5000 в конце 70-х годов. Обогащённый уран оружейного качества в промышленном количестве они получили примерно через 5 лет – завод в Кахуте в 1984 г. был способен производить около 15 кг оружейного урана в год (см. Sattar A. Reducing Nuclear Danger in South Asia, 1994, p.7, со ссылкой на американские источники). Но реальным военным ядерным потенциалом Исламабад стал обладать только через 14-15 лет после этого.

(несмотря на то, что у Японии второй в мире объём экономики после американского).

Эксплуатация уже имеющегося центрифужного оборудования, однако, сопряжена у иранцев с большими сложностями. По имеющимся данным, иранцы испытывают крайне серьёзные затруднения со сборкой и запуском центрифуг - по данным очередного доклада М.Эльбардея по Ирану, опубликованного 8 июня, весной 2006 года из всех установленных в Натанзе центрифуг работала только одна. Недостаток знаний является только одной из причин этого. Отсутствие технологии – сложность в принципе преодолимая, это вопрос лишь времени и финансирования. Гораздо более важно то, что Ирану остро не хватает материала для центрифуг – специальной стали, которую производят лишь несколько развитых стран и которую Ирану в нынешних условиях, понятное дело, никто не продаст. Пакистан, например, смог наладить самостоятельный выпуск центрифуг только после того, как основал собственное производство необходимых сортов стали по лицензии, но если пакистанцы, получая в 70-е годы эту лицензию, чрезвычайно умело воспользовались благоприятной внешнеполитической обстановкой, то Иран находится в данном отношении в самой невыгодной ситуации. Можно уверенно говорить о том, что сейчас, когда Иран стало объектом самого пристального внимания, иранцам придётся надолго забыть об импорте – всё равно, легальном или контрабандном, - материалов, пригодных для использования в ядерной промышленности. Это означает, что вне зависимости от намерений Ирана, получение им нескольких тысяч работающих центрифуг – дело не самого ближайшего будущего.

При этом существенное значение имеет структура будущего каскада. Пока что, по ряду данных, иранцы планируют разделить 3 000 центрифуг на несколько групп. Обогащать уран до более высокой степени, чем это требуется для ядерного топлива, можно в том случае, если все 3 000 машин будут соединены вместе в одну линию. Если они будут разделены, то необходимо будет соединить их трубами. Если в Иране будут и далее проводиться инспекции МАГАТЭ, то соединение каскадов воедино не пройдёт незамеченной и у мирового сообщества будет время для принятия адекватных мер. Но если Иран по той или иной причине решит свернуть инспекции МАГАТЭ на своей территории, то проследить за переключением каскада на военные цели будет уже невозможно.

Если формальных поводов обвинять Тегеран в наличии военной ядерной программы нет, то совсем другая картина создаётся при первом же взгляде на стратегический контекст проблемы, на систему международных отношений на Ближнем Среднем Востоке. Не будет ошибкой предположить, что общий стратегический фон полностью располагал бы любое государство, оказавшееся на месте Ирана, к форсированным усилиям по получению ядерного оружия.

Можно уверенно предполагать, что ирано-иракская война 1980-88 годов и вызвала к жизни работы над обогащением урана. Тогда Иран впервые на собственном опыте узнал эффект применения ОМУ – в 1983 году иракцы применили против иранских войск химическое оружие. После этого его использование на поле боя стало систематическим, приводя к большим потерям как среди военных, так и среди мирного населения. Нетрудно предположить, что если режим С.Хусейна решился на применение химического оружия, то, при наличии соответствующих возможностей, он вряд ли остановился бы и перед ядерным ударом. При этом уже в середине 80-х годов Ирак начал реализацию военной ядерной программы. Наверняка Иран, осознав всю опасность возможного получения Ираком ЯО, решил также заполучить потенциал ОМУ². Опыт войны, продемонстрировавшей достаточно заметный качественный перевес Ирака, возможно, натолкнул Тегеран на мысль о необходимости уравновесить силы с помощью «ядерной дубинки». Как бы там ни было, отдельные влиятельные представители иранского руководства в послевоенный период выражались по поводу ОМУ-потенциала достаточно откровенно. Например, тогдашний главнокомандующий вооружёнными силами Ирана, ставший впоследствии президентом, А.Хашеми-Рафсанджани, говорил в 1988 году: «...стало ясно, что мировые моральные нормы не являются достаточно эффективными, когда война вступает в решающую стадию... Мы должны быть полностью готовы, как в оборонительном, так и в наступательном плане, к применению химического, биологического и радиологического оружия. Отныне необходимо воспользоваться возможностью и выполнить эту задачу³». Многочисленные двусмысленные заявления иранского руководства в отношении международного режима ядерного нераспространения в 80-е – 90-е годы существенно стимулировали подозрения в том, что Тегеран выходил за пределы гражданских исследований в ядерной области⁴.

Фактор сдерживания непосредственной военной угрозы не менее важен. В 1991 году разгром Ирака американцами и их союзниками показал, что для развивающихся стран только ядерное оружие может служить гарантией от военного вмешательства США в их дела. С учётом напряжённости в отношениях с Вашингтоном иранское руководство не могло не почувствовать несомненной и явной угрозы военного удара. Вражда с Израилем могла только

² Вообще говоря, Иран располагал ОМУ – он производил химическое оружие, хотя и на несколько лет отстал от Ирака в развитии его производства. Он даже применял его на войне в её завершающий период (поэтому нередкие заявления Тегерана о том, что он был «жертвой химоружия» не совсем корректны). Но отстать от врага в создании ядерного оружия было действительно опасным.

³ Cirincione Joseph; with Jon B.Wolfstahl and Miriam Rajkumar. Deadly Arsenals. Tracking Weapons of Mass Destruction. W., 2002, p.256, со ссылкой на Tehran Domestic Service, “Hashemi-Rafsanjani Speaks on Future of the IRGC Iranian Revolutionary Guards Corps”, October 6, 1988, in FBIS-NES, October 7, 1988, p.52.

⁴ Тимербаев Р.М. Ядерное нераспространение. М., 2000, с.179.

усилить стремление к ядерному потенциалу, тем более, что Израиль сам обладает ядерным оружием, хотя никогда и не заявлял об этом открыто (Иерусалим к тому же никогда особо не стеснялся применять военную силу, когда этого, по его мнению, требовали его интересы – можно напомнить израильский удар по иракскому ядерному центру в 1981 году).

В 2000-е годы, после ликвидации саддамовского режима и устранения иракской военной мощи, региональный аспект безопасности не стал для Ирана менее важным – тем более, что и в 80-90-е годы он не ограничивался для Тегерана только соседством враждебного Ирака. Вряд ли справедливо говорить, что Иран находится в полностью враждебном окружении, но тем не менее, с этой точки зрения для него дела обстоят вовсе не благоприятно, даже, если не учитывать постоянное американское военное присутствие в регионе и наличие ядерного оружия у Израиля. Американские источники резонно указывают на ряд угроз «второго плана», каждая из которых относительно невелика, но все они, взятые вместе, создают у Ирана неуверенность в своей безопасности. Это, например, огромные военные расходы арабских нефтяных монархий Персидского залива, турецко-израильское сближение и другие факторы – из-за которых, «с иранской точки зрения, ядерное оружие приобретает стратегический смысл»⁵.

Кроме того, ядерное оружие стало бы для Ирана отличным инструментом подкрепления своих внешнеполитических амбиций. Этот фактор стал определяющим после окончания войны с Ираком и становился всё более весомым по мере роста иранской экономики в 90-е годы. Претендуя на статус ведущей региональной силы, Иран мог бы крайне существенно выиграть, обретя статус ядерной державы.

Разработка Ираном баллистических ракет с дальностью 2-3 тыс. км не может быть вызвана ничем иным, кроме стремления обрести именно силы ядерного сдерживания. Если его ракеты малой дальности вроде Р-11 (кодовое название в НАТО – Scud-B), ещё можно использовать для несения обычной головной части (иранцы применяли эти ракеты как раз именно в обычном оснащении во время войны с Ираком), то БР, подобные «Шихаб-3» - средство исключительно ядерного нападения. Ни для каких иных целей они использоваться не могут в силу сложности и дороговизны – затраты на производство ракеты могут быть больше, чем ущерб, нанесённый противнику этой ракетой с неядерной головной частью.

Поэтому, вне зависимости от выводов МАГАТЭ, трудно сомневаться в военной направленности ядерной программы Ирана. К такому заключению приводит анализ всех сторон и аспектов работ Тегерана в ядерной области и

⁵ Cirincione Joseph; with Jon B.Wolfstahl and Miriam Rajkumar. Deadly Arsenals. Tracking Weapons of Mass Destruction. W., 2002, p.256, со ссылкой на Tehran Domestic Service, “Hashemi-Rafsanjani Speaks on Future of the IRGC Iranian Revolutionary Guards Corps”, October 6, 1988, in FBIS-NES, October 7, 1988, p.52.

смежных сферах, направлений его активности на чёрном рынке чувствительной продукции, а также рассмотрение оценки самими иранцами угроз своей национальной безопасности и внешнеполитической ситуации в регионе.

Иранская ядерная программа сейчас продолжает активно обсуждаться между пятью постоянными членами СБ ООН и Германией. Привлечение Берлина обусловлено его активной ролью в составе «евротройки».

Позиция США до последнего времени была однозначна – как можно скорее принимать жёсткую резолюцию СБ ООН по главе VII устава ООН (т.е. с упоминанием угрозы международному миру и безопасности). Дальше – продолжать сильное давление на Тегеран, вводя санкции.

Подход европейцев был менее радикален. Они тоже предлагают принять такую резолюцию, но санкции вводить сначала ограниченные – на поставки определённых видов товаров, на передвижение по миру представителей иранского руководства. Сейчас они (не без существенного настояния России) выработали новый «пакет сотрудничества» (удачей российской дипломатии стало то, что даже США поддержали «пакет»). «Евротройка» уже представляла иранцам такой пакет, но в августе прошлого года он был Ираном в резкой форме отвергнут. На этот раз, как рассчитывают европейцы, Тегерану предстоит выбрать – или сотрудничество, или изоляция и санкции. «Пакет» был передан Ирану 6 июня и теперь у иранцев есть время подумать над ним. Если «пакет» будет Тегераном отвергнут, Великобритания, Германия и Франция будут, несомненно, требовать принятия резолюции по главе VII.

Санкции, на первый взгляд, кажутся достаточно эффективным механизмом, способным повлиять на Иран. Но такой эффект будет достигнут лишь при полномасштабных санкциях, включающих и запрет на импорт из Ирана углеводородов. Эмбарго на импорт нефти из Ирана, конечно, вызовет резкое увеличение цен на нефть во всём мире, но Иран сам ничуть не меньше зависит от тех, кто покупает у него энергоносители, чем эти страны – от Ирана. В случае такого эмбарго, при почти стопроцентно сырьевой направленности иранского экспорта, будет закрыт главный источник валютных поступлений в эту страну. Ещё более сильный удар по иранской экономике может нанести эмбарго на поставки в Иран бензина – ведь Тегеран почти не занимается переработкой нефти и вынужден закупать потребляемый им бензин за рубежом. Но в том-то всё и дело, что европейские страны крайне неохотно согласятся на нефтяное эмбарго, которое будет означать резкий взлёт цен на углеводороды – уже сейчас, только из-за одних слухов о введении санкций, цена барреля нефти перевалила за 70 долларов. «Бензиновый вариант» будет для стран ЕС почти безболезненным, но совершенно неожиданно оказалось, что против него выступают американцы. Значительную часть бензина Иран покупает в Индии, которая достаточно сильно пострадает от закрытия

иранского рынка. А ссориться с Дели Вашингтон не намерен, ведь у них сейчас завязываются отношения стратегического партнёрства, омрачать которые было бы совсем некстати. Поэтому вопрос о параметрах санкций остаётся открытым и вряд ли заинтересованным сторонам удастся прийти к скорому решению. Тем не менее, хотя бы ограниченные санкции представляются западным странам единственным реальным средством политического воздействия на Иран.

Россия и Китай всеми силами противятся введению любых санкций. С Китаем в данном случае всё ясно – основную часть ввозимой нефти Пекин закупает в Иране. С нашей страной дело несколько сложнее. У нас с Ираном достаточно большой объём сотрудничества в нескольких сферах. Во-первых, с российской помощью в Иране строится АЭС в Бушере, а при том, что иранский атомноэнергетический рынок закрыт для большинства поставщиков, у нас есть неплохие возможности получить новые контракты. Большие надежды возлагаются на возможное расширение военно-технического сотрудничества.

Но чем большую неуступчивость проявляют иранцы и чем более накаляется ситуация, тем менее выигрышно смотрится наша позиция. Несмотря на все наши усилия, на все наши переговоры с Ираном, он не собирается прислушиваться к голосу разума. Доводы российской стороны о том, что нужно выполнять призывы резолюций Совета управляющих МАГАТЭ, что нужно добровольно приостановить деятельность, связанную с обогащением урана, Тегеран слышал уже много раз и наша позиция ему хорошо известна. В условиях, когда Иран игнорирует призывы МАГАТЭ, подкреплённые теперь уже и заявлением Председателя СБ ООН, и никак не реагирует на увещания Москвы, наше стремление препятствовать усилению международного давления на Иран становится просто непонятным. Меры по «спасению» Ирана были бы оправданными, если бы у нас действительно было много что потерять. Но весьма сомнительно, что нам удастся получить новые контракты на атомные электростанции в Иране – постройка АЭС в Бушере, которая уже на три года отстаёт от графика, к сожалению, не способствует положительному имиджу российских атомных экспортёров. Да и вряд ли Иран в обозримом будущем окажется экономически способен оплатить постройку больше одного - двух энергетических реакторов, поставка которых принесёт нам не настолько большой доход, чтобы сейчас из-за него защищать режим, чьи ядерные разработки имеют очевидную военную направленность. То же касается и взаимодействия в других областях, выгоды от которого не перевесят политического ущерба от получения Ираном потенциала создания ядерного оружия.

Если нам и есть смысл противиться принятию жёсткой резолюции, то это целесообразно делать последовательно и решительно. Да и в целом, кажется целесообразным раз и навсегда, взвесив наши интересы, определить – либо мы соглашаемся с тем, что Иран станет «пороговым» государством, но мы будем продолжать развивать с ним сотрудничество и препятствовать антииранским

санкциям, либо, если нет желания иметь у южных границ потенциальную новую ядерную державу – присоединяемся к давлению, оказываемому на Тегеран остальными крупными странами. В первом случае, при обсуждении вопроса о санкциях, нечего стесняться применить в СБ ООН даже право вето – это сыграет только в пользу нашего престижа великой державы и подчеркнёт решимость в отстаивании национальных интересов. Во втором случае, если мы заинтересованы в отстаивании принципов ядерного нераспространения и стремимся к отказу Ирана от обогащения урана, то практика показала, насколько явно Иран игнорирует наши миролюбивые предложения, поэтому есть смысл поддержать резолюцию и санкции, от которых мы мало что реально потеряем. Но пока Москва предпочитает маневрировать где-то посередине, пытаясь, с одной стороны, вести переговоры с иранцами, откровенно затягивающими время и не желающими прислушаться к голосу разума - тем более, что Иран уже наверняка хорошо просчитал конфронтационный сценарий и будет действовать в соответствии с ним вне зависимости от наших уговоров. С другой стороны, наше противодействие американской политике максимального прессинга на «режим аятолл» пока носит достаточно мягкий характер, не выходя за рамки корректных заявлений о необходимости придерживаться норм международного права и руководствоваться выводами МАГАТЭ. Курс на умиротворение одновременно всех сторон заведомо неразрешимого конфликта, как показывает исторический опыт, никогда не давал хороших результатов, приводя только к потере политического престижа сразу на обоих направлениях. Конфликт так или иначе развивается без нашего участия, поэтому раз уж, волею судеб, мы оказались одной из заинтересованных стран и не можем полностью устранить от событий, нам ещё не поздно сделать обдуманый чёткий выбор в пользу того или иного варианта. Главное же – после принятия соответствующего решения действовать смело, недвусмысленно и последовательно.

Активное муссирование слухов о возможном применении американцами военной силы против Ирана несомненно, обосновано. Вопрос стоит не столько о стремлении американцев ликвидировать ядерную программу Ирана, сколько о неминуемой развязке длительного американо-иранского противостояния, в котором ядерная проблематика – лишь один из элементов. Иран сейчас остаётся единственной страной Ближнего и Среднего Востока, оказывающей реальное противодействие стремлению США к полному охвату региона своим военным и экономическим влиянием. Нынешний кризис был вызван, безусловно, развитием ядерной программы Ирана, но в целом, корни проблемы гораздо глубже – для США речь идёт об устранении иранской политической системы. Ядерная проблема лишь усиливает общее американо-иранское противостояние.

Вооружённые силы Ирана сейчас переживают далеко не лучшие времена. После трёх десятилетий жизни в режиме фактической международной изоляции тот парк военной техники, которым располагает страна, пришёл в ветхость. Иранские сухопутные силы и авиация в настоящее время и численно, и качественно заметно слабее, чем те, какими располагал С.Хусейн в 1991 году и которые были смяты многонациональными силами без особого труда.

Задача США облегчается ещё и тем, что перед ними не стоит задача военной оккупации страны – хотя и это, в принципе, наверняка по силам американской военной машине. Главной целью удара будет ликвидация пунктов ядерной инфраструктуры Тегерана, которые могут иметь отношение к разработке ядерного оружия, для чего нужно поразить не так уж и много целей. Конечно, к ядерным разработкам имеют отношение весьма много объектов, но опять-таки, в силу слабого развития иранской ядерной инфраструктуры, для успеха операции достаточно уничтожить лишь несколько ключевых целей. Каскад центрифуг в Натанзе, Исфаханский центр ядерных исследований, завод по производству тяжёлой воды, урановый рудник, лаборатория, где проводились работы над обычной взрывчаткой и ещё два-три объекта, составляющих основу иранской программы, несомненно, станут главными целями военного удара. АЭС в Бушере практически наверняка не будет затронута – она, в силу технических параметров реактора, не может использоваться в военных целях, да и окончательно портить отношения с Россией у американцев совершенно нет необходимости.

Сама по себе потеря уже готового каскада центрифуг была бы для Ирана очень неприятной, но не фатальной. Связанная с этим задержка в программе сорвёт многие планы, но также в принципе преодолима. А вот утрата потенциала по производству центрифуг в условиях отсутствия материала и невозможности его приобретения будет означать, что программа обогащения урана для Тегерана закроется на много лет вперёд. Это, собственно, и надо Вашингтону, потому что там рассчитывают через несколько лет иметь дело уже с другим правительством в Тегеране, которое, как надеется Белый дом, окажется гораздо лояльнее и стоворчивее и в руках которого потенциал создания ядерного оружия будет уже не так опасен.

То есть, чтобы гарантированно ликвидировать иранский задел в ядерной области и уж, во всяком случае, отбросить иранскую программу на десятилетия назад, достаточно поразить самое малое число целей. Конечно, придётся иметь дело с вооружёнными силами Ирана – свободно хозяйничать американской авиации в своём воздушном пространстве иранцы не захотят позволить, пока у них останется возможность оказывать хотя бы эфемерное сопротивление.

Конечно, если удар состоится, то он не будет полностью неожиданным. Операция против Ирана потребует такой подготовки, которую на её завершающей стадии скрыть никак не удастся. Сосредоточение сил ВМС и ВВС

США, повышение уровня их боеготовности и, соответственно, крайнее нагнетание политической напряжённости не пройдут незамеченными ни для иранцев, ни для всего мирового сообщества. Но даже и при наличии информации о предстоящем ударе Иран вряд ли сможет противопоставить ему адекватный военный ответ.

Выбить иранскую авиацию в первом ударе, уничтожить на земле самолёты, способные подняться в воздух – задача не самая сложная для американцев, у которых в регионе сосредоточены огромные военные силы. Чудовищная мощь американской военной машины буквально раздавит иранские ВВС и ПВО в считанные часы. Первый удар придётся, как обычно, по радиолокационным системам, зенитным ракетным комплексам, штабам и т.д., его нанесут «невидимые» (во всяком случае, для тех радаров, которые имеются у Ирана) Ф-117 и Б-2, а также крылатые ракеты серии «Томагавк» воздушного и морского базирования, способные подходить к целям также практически внезапно. Будут применены и другие ракеты, дальность которых позволит самолётам выпускать их далеко за пределами воздушного пространства Ирана. Почти одновременно обычная авиация, пользуясь уничтожением иранских средств ПВО, постарается обеспечить, чтобы с «ослепших» аэродромов не поднялся уже ни один самолёт. Несколько волн, по 200-300 самолётов в каждой, способны быстро смять и более сильного противника. Подавляющее качественное превосходство американских сил, наличие у США космической разведки и самолётов дальнего радиолокационного обнаружения (при их отсутствии у Ирана), эффективная работа других служб обеспечения сведут к нулю любые попытки оказать сопротивление – иранские силы будут выбиваться ещё до того, как они вообще смогут узнать что-либо о местонахождении противника. Можно предположить, что иранский правящий режим вообще не станет поднимать самолёты в воздух, рассредоточив их и максимально замаскировав, чтобы попытаться сберечь на будущее хотя бы часть авиации. После этого уничтожение объектов ядерной инфраструктуры не потребует от США значительных затрат. Наверняка операция продлится несколько дней – будут необходимы повторные, «контрольные» удары, будет вывод из Ирана разведгрупп. К тому же, если иранские ВВС удастся уничтожить, ничто не мешает американцам периодически, возможно, несколько раз в год, повторять налёты на Иран, как это делалось по отношению к Ираку в 90-е годы.

Единственное место, где теоретически может произойти контакт сухопутных сил обоих противников – ирано-иракская граница. Но вряд ли Иран решится на крупное наземное наступление против сил США в Ираке, ведь для его не слишком хорошо оснащённых и обученных войск, тем более, лишившихся авиационной поддержки, это будет самоубийством⁶.

⁶ Опыт «Бури в пустыне» в 1991 году ярко продемонстрировал всю тщетность попыток такого наступления. Ещё до начала масштабной наземной кампании союзников иракцы предприняли

Не поможет Ирану и его рекламируемое «супероружие», показанное на параде в середине апреля с.г., поскольку оно – не более, чем пропагандистский трюк. Создание ракеты с разделяющимися головными частями индивидуального наведения – о чём иранская пропаганда заявляла на весь мир, - не говоря уже о принятии её на вооружение без предварительных испытаний, в иранских условиях, принимая во внимание общий невысокий технологический потенциал этой страны – вещь совершенно нереальная⁷. Иранцы провели испытание реактивной торпеды, внешне похожей на российскую торпеду «Шквал», но опять-таки, технические характеристики этого оружия требуют неоднократной перепроверки. В принципе, можно допустить, что иранцам в период «анархии» на постсоветском пространстве в первой половине 90-х годов могли попасть в руки какие-то детали и чертежи «Шквала» (например, из бывших союзных республик СССР, тем более, что данная торпеда проходила испытания на Иссык-Куле, в Киргизии и что-то могло остаться там после распада Союза). Но даже, если допустить, что Тегеран провёл реальное, успешное испытание этой системы, то сборка единичного экземпляра и промышленный выпуск изделия – совсем не одно и то же.

Нередко в СМИ рассматривается и такой вариант, при котором США сами не будут наносить удар, а предоставят это своим израильским союзникам, разумеется, с оказанием им полной материальной и моральной поддержки. Логика этого сценария в общем, понятна, - иранский ответ будет направлен преимущественно против Израиля, для которого последствия «асимметричного ответа» Тегерана будут менее болезненны, чем для США, потому что израильтяне и без того привыкли жить в постоянной готовности к терактам.

Технически израильские ВВС способны нанести мощный удар по иранской ядерной инфраструктуре, достаточный, чтобы вывести её из строя. Политические ограничения едва ли будут иметь для Иерусалима большое значение, если речь пойдёт об эвентуальной способности Ирана обзавестись военным ядерным потенциалом. И всё же реализация такого плана столкнётся со слишком большими сложностями.

удар в направлении Рас-Хафджи на кувейтско-саудовской границе, но были вынуждены отступить. Во время наземной кампании многонациональных сил иракским войскам вообще не удалось организованно контратаковать. Редкие случаи близкого контакта противников не приносили удачи иракцам – так, дивизии республиканской гвардии «Хаммурапи» и «Тавалкана», которым всё же удалось вступить в сражение с британскими бронетанковыми частями, потерпели жестокое поражение, потеряв почти половину техники. Потери англичан при этом были невелики.

⁷ Ракетами с РГЧИН обладают только 4 государства – США, Россия, Франция и Великобритания (да и то, англичане не производят свои «Трайидент-2» самостоятельно, а покупают в США). Китай, при том, что он развивает ракетно-ядерный потенциал с 70-х годов, не добился успеха на этом направлении. Поэтому иранские заявления о создании таких ракет не заслуживают доверия. Об уровне развития иранской ракетной техники свидетельствует хотя бы то, что ни одно из трёх испытаний БР «Шихаб-3» не было удачным.

Радиус действия израильской авиации недостаточен для того, чтобы без дозаправки совершить налёт на иранские объекты и вернуться в Израиль⁸. Самолётам придётся или садиться на территории других стран, что автоматически вовлекает их в конфликт – как и сам факт пролёта израильской авиации в их воздушном пространстве, - или на территории оккупированного американцами Ирака, а в этом случае причастность Вашингтона к удару станет явной и тогда американцам будет удобнее наносить его самостоятельно. Заправка же в воздухе таит слишком много неожиданностей, чтобы на неё можно было положиться при такой ответственной операции, тем более, что заправиться придётся, скорее всего, над территорией Ирана. Да и вряд ли у Израиля найдётся необходимое количество самолётов-заправщиков, а привлечение американских заправщиков, которое скрыть не удастся, опять же, означает вступление в войну США.

К слабым сторонам «израильского варианта» можно отнести то, что если американцы и смогут снизить для себя террористическую угрозу, то других последствий войны - роста цен на нефть и дестабилизации ситуации на всём Ближнем Востоке – избежать не получится.

Трудно, на первый взгляд, понять логику иранского руководства, настолько явно бросающего неприкрытый вызов Вашингтону при столь неравных возможностях. Можно предполагать, что больше всего здесь с его стороны смелости отчаяния – убеждения, что никакими «мерами укрепления доверия» не спастись и что всё равно американцы рано или поздно нападут. Но это был бы главный фактор, если бы речь шла только о представителях «умеренного» крыла иранской правящей элиты, а не о президенте М.Ахмадинежаде и его ближайшем окружении. Роль играет не только и не столько пропагандистская риторика политика, пришедшего к власти на урапатриотических лозунгах. Здесь мы видим характерный пример мышления людей, прошедших очень специфическое испытание, сформировавшее образ мышления, совершенно не характерный для современных руководителей стран развивающегося мира. Новый иранский президент, принимая участие в осаде и захвате американского посольства в Тегеране во время Исламской революции 1979 года, имел возможность на собственном опыте убедиться, что можно совершить почти беспрецедентно масштабный акт насилия против американцев и не только остаться безнаказанным, но и заставить могучего противника пойти на попятную. Тогда США, несмотря на понесённые колоссальные убытки, гибель своих граждан и утрату вернейшего союзника, который мгновенно превратился в ярого врага, так и не решились на

⁸ Расстояние от Израиля до иранского центрифужного комплекса в Натанзе – более 2500 км. Самый большой радиус действия из всех самолётов, находящихся у Израиля на вооружении, имеет Ф-15 (1300-1500 км). Другие самолёты, широко представленные в израильских ВВС - Ф-16 и «Кфир» - имеют ещё меньшую дальность (900-1000 км).

применение силы. Наверняка, память о таком успехе подвигает руководство Ирана на дальнейшее обострение в надежде, что и сейчас американцы не решатся пойти на силовой вариант.

Вдобавок, если с военной точки зрения дела Ирана в столкновении с США практически безнадежны, то не так плохо выглядят его шансы на «асимметричный ответ». Вероятно, именно это и является главной соломинкой, за которую сейчас хватается Тегеран, в расчёте на то, что американцев всё-таки удастся удержать от войны.

В случае необходимости Иран может мобилизовать тысячи «добровольцев» и направить их в Ирак, чтобы совсем испортить жизнь американским войскам в этой стране. Вне сомнения, иранские спецслужбы способны осуществить крупные теракты против американских войск, граждан США и американской собственности по всему миру, а может быть, даже и на самой территории Соединённых Штатов. Кроме того, иранцы, несомненно, надеются на поддержку общественного мнения мусульманских стран, на широкий протест мусульман по всему миру, не менее масштабный, чем недавний «карикатурный скандал» – поэтому Иран постоянно нагнетает эмоции, способные окончательно взорвать обстановку на всём Ближнем Востоке. Здесь его расчёт также имеет под собой солидное основание. Во многих исламских, или имеющих большую мусульманскую общину, странах, даже дружественных США, простой народ зачастую выражает открытые симпатии Тегерану в его противостоянии «сионистам и крестоносцам». Беспокойство в связи с возможными массовыми протестами в случае нападения США на Иран выражают многие обозреватели в Пакистане, Турции, бывших советских республиках Средней Азии, Индии и даже европейских государствах с многочисленной мусульманской диаспорой (Франции, Великобритании).

И всё же, видимо, иранское руководство опасно переоценивает свои силы и возможности. Что касается исламской солидарности, то не следует сбрасывать со счёта то, что, например, арабские монархии Залива уже много лет испытывают серьёзную озабоченность в связи с ядерными амбициями Тегерана. Отношения Ирана с государствами ССАГПЗ в последние 20-25 лет никогда нельзя было назвать дружескими, более того, в прошлом у Ирана неоднократно возникали острые трения с ними, когда он пытался спровоцировать рознь между шиитами и суннитами в этих странах (например, в Бахрейне в начале 80-х годов). Любая возможность обладания Ираном ядерным оружием расценивается руководством этих арабских стран как прямая угроза их безопасности, поэтому Тегерану нечего рассчитывать на поддержку с их стороны на многосторонних форумах (СБ ООН, Совет управляющих МАГАТЭ и т.д.). Поездки иранских представителей по странам Персидского залива в первой половине 2006 года показали, насколько сдержанно, а зачастую и негативно, эти страны реагировали на иранские просьбы оказать содействие в отстаивании «законных прав на мирные атомные технологии». По крайней

мере, фактор мусульманского единства не сработал ни разу, когда в Совете управляющих МАГАТЭ выносился на голосование проект резолюции по Ирану. Даже Йемен – единственная в мире шиитская страна, кроме Ирана – при голосовании по проекту резолюции СУ МАГАТЭ в сентябре 2005 года предпочёл воздержаться, а не выступать против. В феврале 2006 года Йемен вообще поддержал проект резолюции, предусматривавший направление доклада Гендиректора в СБ ООН. Ни одна из мусульманских стран не голосовала против (это сделала только Венесуэла), а если какие-то и воздерживались (Сирия, Пакистан, Алжир), то они делали это в любом случае не по причине религиозной общности, а исключительно по политическим соображениям.

Если в 1979 году иранцам «сошли с рук» их действия в отношении американских граждан и американской собственности, то важно отметить, что это было вызвано в первую очередь конкретной политической обстановкой на Ближнем и Среднем Востоке, внутри- и внешнеполитическим положением США и принципиально иным, нежели сейчас, раскладом сил в мире в целом. Прежде всего, сам по себе факт существования Советского Союза оказывал сдерживающее воздействие на Вашингтон, который, очевидно, в тот момент не мог позволить себе пойти на военные действия в отношении государства, пограничного с СССР. Это означало бы выход американских войск непосредственно к советским границам и, как следствие, новый виток противостояния с Москвой. Да и воспоминания о поражении во Вьетнаме, со времени которого не прошло и пяти лет, были для Белого дома ещё слишком свежи, чтобы ввязываться в новую серьёзную кампанию, тем более, чреватую острейшим военно-политическим кризисом, может быть, не менее масштабным, чем, например, Берлинский кризис 1961 года. Понятно, что в нынешних условиях Ирану едва ли можно рассчитывать на безнаказанность, когда в мире не существует сил, способных столь эффективно влиять на внешнюю политику США, а «вьетнамский синдром» сменился «синдромом вседозволенности».

Асимметричный ответ также может оказаться не столь лёгким, как рассчитывает Иран. Любой крупный теракт против США, или усиление активности шиитских боевиков в Ираке, поддержанное иранцами, вызовет встречные меры со стороны Вашингтона вплоть до повторных военных ударов, от которых Иран понесёт несравненно больший ущерб, чем США.

Есть вероятность и того, что иранская правящая группировка пытается сознательно довести дело до вооружённого столкновения с США. Тегеран прекрасно понимает, что не сможет ничего реального противопоставить американской военной мощи и понесёт серьёзный ущерб. Но война, при всех её издержках, даст нынешнему руководству страны неплохую возможность усилить собственные позиции внутри страны. При переходе конфронтации с

Западом в «горячую» стадию любые попытки внутри политической элиты сформировать оппозицию правительству будут подавляться как выступления врагов нации и пособников США. Такой курс, возможно, поддерживается и клерикальными кругами, достаточно быстро теряющими широкую поддержку масс. Ещё одним весомым фактором может быть отвлечение внимания народа от насущных экономических проблем и возможность объяснить их не провалом политики правительства, а несчастьями военного времени.

Кажется логичным прогнозировать, что если Иран будет продолжать свою конфронтационную линию, то вряд ли ему удастся избежать войны. Для США военный удар по Ирану будет, конечно, непростым делом (с точки зрения его политико-экономических последствий), но если у Вашингтона и Иерусалима не будет иного способа заставить Тегеран отказаться от создания потенциала по производству ЯО, то вряд ли можно сомневаться, что они прибегнут к военной силе. И произойдёт это тогда, когда Иран пройдёт «точку невозврата», т.е. получит центрифуги в количестве, достаточном для производства оружейного урана (оценки, как уже упоминалось, разнятся, но в целом, 3-4 тысяч центрифуг будет для этой цели вполне достаточно).

Если предполагать, что иранский режим уже просчитал и взвесил все возможные последствия своих шагов и планирует действовать по конфронтационному сценарию – а так оно, по-видимому, и есть - то наиболее вероятным кажется следующее развитие событий. Иран объявит о том, что согласен рассмотреть европейское «пакетное предложение» и начнёт затяжную дипломатическую игру, имитируя склонность к переговорам. Это позволит ему выиграть не меньше месяца-двух, в течение которых он будет продолжать развивать мощности по обогащению урана. При этом иранцы будут воздерживаться от резких заявлений, а возможно, даже заявят о каких-то незначительных уступках со своей стороны, что будет незамедлительно поддержано Россией как «конструктивная позиция», открывающая путь к урегулированию. Наша настойчивость не позволит западным государствам оказать необходимое переговорное давление на Иран, результатом чего будет только затягивание процесса. Переговоры по «пакету» будут продолжаться без результата до тех пор, пока у «евротройки» не кончится терпение и европейцы не начнут вновь требовать действий в СБ ООН. Иран же, который формально не отвергнет предложения «тройки», сразу же представит дело как срыв переговоров по вине Запада, в условиях, когда Тегеран проявляет максимум доброй воли и уже, мол, практически вышел на компромисс по «пакету» – иранцы наверняка не поспеют на добрые слова в адрес европейского «пакета», не реализованного, якобы, исключительно из-за злонамеренности самих европейцев. Переговоры будут сорваны, за этим последует принятие жёсткой резолюции СБ ООН и тогда Тегеран объявит о сворачивании деятельности МАГАТЭ на своей территории. Вероятно, будут новые решения СБ ООН, скорее всего, с введением санкций, что кончится по меньшей мере

выходом Ирана из ДНЯО, а при наиболее конфронтационном сценарии – войной. При нынешнем темпе развития событий этого можно ожидать ещё до конца текущего года.